

*А. Ф. Филиппов,
кандидат философских наук,
Институт социологии РАН,
"Социологический журнал"*

"Империя" в современной политической коммуникации

Я попытаюсь концептуализировать некоторые наблюдения современной политической реальности в России с точки зрения не совсем традиционно формулируемого понятия империи. Империя — это смысл (и реальность) большого и устойчивого политического пространства, длительно переносимый на смысл неполитических действий и коммуникаций. Я хотел бы подчеркнуть, что подобное определение именно социологическое, потому что без ряда важных оговорок оно может вызвать некоторые недомыслия. Моя позиция — это достаточно радикально заявленная позиция социологического номинализма. Я не усматриваю в происходящих социальных событиях действия неких реальных, хотя и неосязаемых структур ("порождающих механизмов", "нетранзитивных объектов", как говорят современные социологи и философы реалистского направления). Социальное для меня есть действие и взаимодействие (коммуникация) действующих. В социологии М. Вебера социальным называется действие, с которым связан субъективно значимый смысл и которое по смыслу ориентировано на другого. В русле феноменологической традиции исследованию смыслов придается решающее значение. Вот почему в моем определении в первую очередь делается акцент на смысл.

Однако анализ смыслов имеет одну коварную особенность. Из взаимосвязи смысловых компонентов, подвергаемой логическому анализу, выводят характеристики самого действия, словно бы дей-

ствующий, подобно социологу, также произвел анализ перед действием. Конечно, это совершенно неправильно, и этот идеалистический подход всегда оспаривался социологами. Недаром М.Вебер допускает логический анализ смыслов лишь для конструирования "идеального типа". Х.Фрайер в этой связи различает "науки о логосе" (о смысловых взаимосвязях) и "науки о действительности" (реализации смыслов активным действием). П.Бурдьё специально пишет о "практическом рассудке", о собственной логике практики. Поэтому мы не преувеличиваем значения смыслового анализа. Самое большее, что он может дать, это указать поле для ориентации возможных действий. Ориентация на норму может состоять в ее соблюдении или нарушении. Последовательное соблюдение и последовательное нарушение нормы образуют определенную смысловую связь. Но эта связь отнюдь не гарантирует, что действующий всегда будет действовать последовательно.

Очень важно также, что смысл действий не тождествен смыслу результатов этих действий. Смысл, реализованный как результат действий, например в материальных носителях культурной традиции, налагает отпечаток на смысл последующих действий. Объективированный смысл ("объективный дух", говорили некоторые социологи еще в 20-е годы) отличается от субъективно значимого смысла как предшествующих ему, так и последующих действий.

Различая предшествующее и последующее, мы включаем в рассмотрение временное измерение. А это заставляет нас учитывать временной аспект не только в нашем определении (длительно переносимый смысл!), но и в классических социологических категориях. Дело в том, что социологи, вообще, не очень охотно используют понятие империи. И это не случайно. Современная социология возникает в первую очередь как наука о современном обществе и его отличии от досовременного, традиционного. На ее категориальный аппарат сильнейшее влияние оказывают самые чистые случаи традиционного и современного: с одной стороны, город-государство как политическое сообщество, с другой — гражданское общество, конституированное общением своекорыстных индивидов и отделенное от политической системы государства (как это трактовал либеральный утилитаризм в его наиболее распространенной интерпретации). Для империй здесь места нет.

"Империя" не вписывается ни в одно из тех различений, на которых держится концепция современности. Вообще говоря, время больших империй миновало еще до того, как возникла и была разработана современная концепция государства. В течение нескольких веков происходило разложение империй и образование на их пространстве государств со всеми их атрибутами, начиная от фиксированной территории и кончая фактически заключенным в их пределы, но по замыслу безграничным гражданским обществом. Империи — это особый случай. Они существовали (распадались, воспроизводились) в определенный период всемирной истории, когда понятие государства уже не было тождественным понятию города-государства, но еще не противопоставлялось деполитизированному гражданскому обществу раннего модерна. Поэтому, когда в Западной Европе начался распад Священной Римской империи (а

начало этого распада относится уже к XIII—XIV вв.), имела хождение юридическая формула, обосновывавшая полномочия королей: "Король является императором в своих владениях". Различение же территориального государства и гражданского общества, равно как и различение национального государства и мирового хозяйства — важнейшие концептуальные принадлежности модерна. Существование империй не предусмотрено схемой современности, их приходится рассматривать либо как пережитки прошлого, либо как большие и к тому же, чаще всего, агрессивные государства. В нашу эпоху мировой межгосударственной системы фактически они и существуют "просто как государства". Итак, ранее кристаллизовавшиеся внутри империи государства воспринимались как малые империи, а теперь в ретроспективе легко представить себе империю просто как большое государство.

Мне представляется, что на этом уровне различить империю и государство очень трудно, почти невозможно. Да в этом и не было бы нужды, если бы сложные смысловые и мотивационные связи не приводили, в конечном счете, к тому, что социальные процессы в империях все-таки отличаются от социальных процессов в "просто" государствах. Самое главное, на мой взгляд, это длительное, сохраняющееся куда дольше, чем определенные политические системы, существование того, что можно было бы назвать "имперской идеей". Империя, в моем понимании, это не столько определенного рода "государство", сколько некая самоочевидность большого политического пространства, нечто, почти всегда предполагаемое как самый общий пространственный контекст совершения коммуникаций, задаваемый политической границей. Действия и коммуникации определяются тем, какой в них вкладывается смысл, но наряду с основным, внятно проговариваемым или однозначно фиксированным, есть еще сопологаемый смысл. Пространство, в том числе и политически ограниченное пространство, может рассматриваться либо как некое место, однозначно сопрягаемое с данным человеком или группой, либо как вместители некоего ряда мест — как "место мест", либо как некая идея, понятие пространства. В последнем случае — это нечто почти не созерцаемое, находящееся на границе созерцаемогоTM, и все-таки "неотмыслимое" от обозримого пространства мест.

Здесь уже легче проследить отличие империи от "просто государства". Государство располагает территорией, которая является его неотъемлемым признаком. Оно может претендовать на какие-то территории или потерять какие-то земли. Эти претензии и эти утраты образуют важнейшую составляющую государственной идеологии. Но при этом, как правило, достаточно точно известны эти спорные области.

Иначе обстоит дело с империями. Дело не в том, велика ли их территория (к этому мы еще вернемся). Дело в том, что фактическая граница для империй всегда случайна. По идее, они могут расширяться беспредельно. Имперскую идеологию часто отличает своеобразный "космизм": империя рассматривается как нечто встроенное в совокупный порядок бытия, как его необходимая ступень — нечто такое, без чего и мир бы распался. Очень часто кризис, распад фактически существующей империи воспринимает-

ся не просто как трагедия, но как эсхатологическая катастрофа. В XX в. несколько крупных мыслителей вспомнили в этой связи о новозаветном понятии "катехона", задержителя. "Ибо тайна беззакония, — говорится у ап. Павла, — уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь"* . Именно как катехон трактовали империю (разные империи и в разных контекстах) С.Н.Булгаков, Х.Фрайер, К.Шмитт. Падение империи открывает путь "беззаконию", полному переустройству видимого миропорядка.

Отсюда, конечно, очень далеко до каких-либо конкретных территориальных определений. Тем не менее, поскольку империи существуют не только в идее, но и фактически, эта идея должна быть как-то соотнесена с ее социально-политическим устройством. Подчеркнем еще раз, что сама по себе фактическая (на данный момент) оформленность империи тоже проблемы не представляет. Компетенции центральной власти фактически не могут быть беспредельны. Империя сталкивается с иными империями или государствами и т.п. Но что означает имперская идея абсолютной экспансии или космической миссии в фактически ограниченном политическом образовании? Для нас, с нашим номиналистически-смысловым подходом, это означает только одно: "имперский смысл" не может быть актуализован во всех действиях и коммуникациях, это не явный, но "сополагаемый" смысл.

Любое большое государство, территориальная принадлежность к которому не артикулируется в действиях и коммуникациях, но может быть проявлена, проговорена в качестве таковой, есть империя. Точнее говоря, об империи как реальности можно говорить, если этот смысл постоянно (эта длительность не измеряется объективно, но социально воспринимается и субъективно трактуется как постоянство) переносится на массу действий и коммуникаций. Сходные явления "по случаю" могут иметь место и помимо империй. В таком случае — это не реализованный как политическая граница имперский смысл.

Однако изнутри они вовсе не выглядят как "просто государства" даже в основной массе коммуникаций. Их пространства, по идее, слишком велики, непостижны для непосредственного созерцания и воспринимаются, скорее, как целый космос. Государства и всякая иная реальность вне империи воспринимаются, скорее всего, не как таковые, но как проекция имперской идеологии. Предельный случай существования империи в современном мире — тоталитарные империи.

Империя не созерцается, как таковая, большим числом действующих. Зная о ней, они не способны увидеть ее как бы извне, в ее единстве и отличии от иного, одновременно как фактическую оформленность политического пространства и как идею всемирного призвания. Поскольку же пространство империи слишком велико, чтобы непосредственно созерцаться повсеместно и постоянно, оно выступает как тема коммуникации только в специальных случаях. Обычно же внутри империи тематизируется более узкое пространство, по отношению к которому империя для действующих субъектов выступает либо как предельно дальний смысловой горизонт, либо как исключительной важности обширное место (далеко не

* Библия 2-е Фесс, 2, 7

единственно возможное), в котором размещено меньшее место — контекст их основного пространства. Коммуникации первого типа более характерны для давних обитателей империй, второго типа — для недавно завоеванных народов. С течением времени ассимиляция может привести к замене второго типа первым, а перспективы распада — к замее первого вторым.

В этой связи надо отвести возможное возражение. Мы все время говорим о большом пространстве, и это может навести на мысль о том, что многие империи Древнего мира, а, впрочем, и такие, как, например, Австро-Венгерская, мало подходят под наше определение. Все дело, однако, в том, что величина пространства не имеет абсолютного значения. Пространство должно пониматься как большое самими действующими — а мера его подлинной доступности для созерцания зависит от многих социальных причин, среди которых первостепенное значение имеет развитие средств коммуникации. И подчеркнем еще раз: потенциальная неизмеримость пространства имперской миссии может быть важнее конкретных очертаний фактически существующей страны.

При том, что империя изнутри воспринимается как самоочевидный социальный космос и специально не тематизируется в коммуникации, имперский смысл должен быть не только реализован в системе власти, но и внятно артикулирован в специальных коммуникациях. Несколько условно эти коммуникации мы называем элитными, а системы, образованные благодаря таким коммуникациям, — элитами. Элита может быть центральной — идентифицирующей себя не только с фактическим целым империи, но и с "имперской идеей", что включает и области перспективной экспансии, и некую сверхзадачу, "призвание" империи. Элита может быть также периферийной, идентифицирующей себя с одним из "мест" в большом пространстве и тематизирующей это последнее лишь как внятно очерченный горизонт, контекст пространства всех своих возможных операций.

Исходя из этих рассуждений, мы, во-первых, делаем вывод, что СССР был империей (еще недавно по этому поводу велись споры, а теперь это признано почти всеми), а во-вторых, что его распад не мог быть и не был исчезновением империи во всех отношениях. Распалась часть системы властных коммуникаций, но осталась идея пространства, по поводу которой продолжают коммуникации. Именно они и представляют здесь наибольший интерес.

Дело не просто в том, что имперский смысл редко исчезает в короткое время. Конечно, с одной стороны, самоочевидность некогда существовавшего оформления пространства остается даже тогда, когда исчезает фиксировавшая его политическая граница, и даже для тех, кто всегда был нацелен на выход из этого пространства. С другой стороны, даже на развалинах империй еще долго встречаются запоздалые имперские идеологи. Но наибольший интерес представляет собой наше развитие в течение последних двух-трех лет, когда уже после формального распада империи она становится темой массовых коммуникаций. Конечно, дело обстоит не так, что принципиально не поддающееся массовой тематизации имперское пространство стало доступно созерцанию большинства коммуницирующих. Тематами стали проблемы, вызванные распадом империи.

Другое дело, что до известной степени расширился и круг коммуницирующих по поводу традиционно элитных тем. В этом смысле империя и как зримая идея стала темой хотя и не массовой, но более массовой коммуникации — ровно настолько, насколько расширилась область публично проговариваемой политики.

Здесь мы наблюдаем любопытные явления. В течение нескольких последних лет тема империи структурировала политическую коммуникацию, поскольку понятие империи использовалось или его использование оспаривалось применительно к СССР, а затем — к Российской Федерации. На первом этапе вхождения этого понятия в лексикон публично проговариваемой политики об империи, как правило, высказывались те, кого среди реформаторов принято было называть "правыми". Позже латынь заменили на русский, "империю" заменили "державой". "Держава" стала любимым термином тех, кого более осторожно и более адекватно называли уже консерваторами, "империю" отдали на откуп "прогрессистам". Одни утверждали (в унисон с региональными элитами и борцами с Центром), что надо разрушить империю. Другим было обидно "за державу". Ныне уже трудно выяснить, говорят ли об империи или о державе поощрительно либо негативно прогрессисты или же консерваторы (и кто конкретно в каждом случае прогрессист и консерватор). Взаимный перехват лозунгов, размытость политического словаря и неопределенность стратегических ориентаций мешают любой идентификации коммуницирующих (в том числе и самоидентификации). Но боязнь быть названным "имперцем" почти сошла на нет в центре сегодняшней РФ. Одновременно вне РФ нарастает тенденция характеризовать поведение российской политической элиты и господствующие общественные настроения в России как имперские, что, в свою очередь, более чем вяло оспаривается этой самой "элитой" и не вызывает серьезных потрясений в "общественном мнении".

Инертно-позитивная реакция массы населения СССР на предложение сохранить Союз во время известного референдума и столь же инертно-позитивная реакция на его фактический роспуск продемонстрировали, что критика империи со стороны радикальных реформаторов, а равно и защита империи (как империи!) со стороны радикальных консерваторов, в сущности говоря, ничего не решают. Фактическое сохранение или роспуск империи оказались делом сугубо элитным. Несмотря на десятилетия тоталитарной идеологии, воспитать совокупное видение имперского пространства как элемент экзистенциальной мотивации поведения оказалось невозможным. Значит ли это, что на пространстве бывшей империи элиты, "творят что хотят"?

Совсем недавно потеря центральной идентичности, паралич воли (обусловленный официальным принятием одних лишь общегуманитарных ценностей) в разработке нового совокупного видения политического членения большого пространства сдали империю в ее прежнем виде напору периферийных элит. Центральная элита (или часть ее) перестала воспринимать бывший СССР совокупно с его "лагерем" как совершенный, бесконечно расширяемый космос. Отношения торговли, обмена, универсального общения — короче говоря, "общечеловеческие ценности" стали на место смысла имперского

пространства. Очевидно, что такое замещение сыграло важную роль, в особенности в сочетании со встречным движением периферийных элит, все более определявших области своих полномочий и притязаний как суверенные государства. (Центральная и периферийные элиты включают, помимо обладателей властных компетенций, и культурную, мировоззренческую элиту.)

Однако, несмотря на международно зафиксированный распад СССР и появление новых государств, в нынешней России нет практически ни одной влиятельной группы, которая бы не определялась в старом имперском контексте, т.е. не была бы вынуждена включать в публичную коммуникацию высказывания о "пространстве бывшего СССР" как принципиально важный аспект своей риторики и фактической либо перспективной практики. Локальные пространства власти бывших периферийных элит империи определяются на том же самом пространстве империи, которое как смысл все еще неизбежно соплагается. Это, конечно, лишь самое абстрактное выражение того, о чем говорят формулы новой всеобщей политической риторики: "экологическое", "экономическое" и т.п. "пространство". Об этом говорит и новейшее развитие: стремление к реинтеграции со стороны многих стран, возникших на этом пространстве. Пространство бывшей империи видится (часто поневоле) как самоочевидный контекст взаимодействия. А хозяйство, ныне разделенное, с самого начала было организовано так, что части его подходили друг к другу — в каком бы отдалении ни находились, — но не к частям мирового хозяйства. Что же может казаться более естественным, нежели реинтеграция этого хозяйства? Некогда политическая ограниченность пространства послужила обособлению от мирового хозяйства. Ныне обособленность от мирового хозяйства способствует образованию хозяйственно-политических структур и новому оживлению идеологии автохтонного экономического комплекса.

С другой стороны, мы можем констатировать, что именно распад Союза сделал куда более распространенной позитивную имперскую мотивацию. Тем, кто неспособен был тематизировать ни фактические очертания, ни идею пространства СССР, могло представляться, что некоторое сужение границ, скажем до уровня внятной обзорности, — вещь более чем естественная (о мотивации элит было сказано выше). Идеология общечеловеческих ценностей внушала представление о том, что разрушение империи находится в общем русле вместе с разрушением тоталитаризма (точнее, того, что от него еще оставалось). Поэтому достаточно неожиданным оказалось развитие ситуации в прямо противоположном направлении.

К сожалению, я не могу более подробно проследить здесь те факторы, которые при разрушении империи привели к появлению на ее месте государств с (по большей части) ярко выраженной авторитаристской ориентацией. Во всяком случае, мы можем констатировать, что торжества либеральных идей, безупречно демократического устройства не приходится пока наблюдать ни в одной из "бывших советских" республик. Гражданское общество, некогда провозглашенное целью реформ, все еще остается недостижимым идеалом для "аннибалов либерализма", тем самым, что — как некогда коммунизм — явственно виднеется на горизонте.

А это, в свою очередь, сильно повлияло на характер массовой коммуникации. Несколько огрубляя, можно сказать, что советскую империю куда меньше любили, чем теперь о ней жалеют. Проимперская мотивация отличает в значительной степени ущемленные меньшинства, а также всех тех, чье относительное экономическое благополучие поддерживалось хозяйственным комплексом империи и ее специфическими запросами. Пространство бывшей империи — это пространство войн, поэтому проимперская мотивация отличает и тех, кто все еще рассматривает мирное состояние как самоценность. Иными словами, проимперские мотивы коммуникаций и действий имеют множество источников — кроме одного. Имперская идея сама по себе массовых мотивов не создает. Однако на уровне элитных коммуникаций тоже наблюдается значительное изменение общих ориентаций.

Во всяком случае, в России тема гражданского общества, мирового хозяйства и прочих замечательных вещей оттеснена на второй план. Ее сохраняют в своем лексиконе лишь известные политические группы, традиционно ориентированные на мировое хозяйство и либеральные стандарты. На передний план, более или менее, официально прокламируемой идеологии выходит сильное государство, наследник Российской империи и СССР, готовое к разумной реинтеграции с бывшими частями Союза.

Со стороны чисто фактической, мы можем констатировать, что официальная позиция российской правящей элиты (правда, ее можно охарактеризовать как единую группу только сильно огрубляя) — последовательная интеграция почти в тех же пределах, что и старый Советский Союз, но на основаниях более рыхлых. В странах содружества, заявил 21 октября 1994 г. на заседании Совета глав СНГ Президент РФ, "явно прослеживается движение к интеграции"; мировой опыт показывает, что лучший путь — это формирование общего рынка, единого экономического пространства. На этом пути уже делаются реальные шаги. Однако даже наличие общих военных институтов не позволяет говорить о тенденции к воспроизводству старой имперской структуры. Последний шаг — а именно, к восстановлению (сколь бы то ни было неполному) СССР — не готов, кажется, сделать никто из нынешних реальных политиков. Империя все больше оказывается пространством с размытым различием Центра и периферии.

Попутно отметим важнейшую тенденцию: процесс дробления старой империи продолжается. Самоочевидным было только старое большое пространство. Политически убедительным (при всех его недостатках и попытках преобразовать его) — только старое членение. Тенденция к реинтеграции не отменяет тенденции к дезинтеграции. Но по реальному влиянию вторая стала сейчас менее заметной, о ней меньше говорят в Центре. Это характеристика не самой реальности, но ее коммуникативной тематизации.

Наиболее же любопытным моментом нам представляется вот это зависание между реинтеграцией и отказом восстанавливать СССР в свете совершаемых реформ. Объяснить его логикой смыслов невозможно. Куда более оправданным является объяснение "через интересы". Кажется, один из очевидных результатов осмысления происходящего состоит в том, что суть реформ — в легализации владе-

ния сырьевыми ресурсами огромной страны, т.е. переводе права распоряжения в право собственности. Этот важнейший аспект обычно затеняет другой, не менее существенный: суть реформ состоит в деструкции социального государства. Именно в этой связи становятся понятными и распад, и движение к реинтеграции, и принципиально недостаточная реинтеграция империи. Распад — это (в Центре, а затем, преимущественно, в сырьевых регионах) стремление "в одиночку" владеть богатствами и не делиться ни с кем, включать добычу и продажу сырья в систему мирового хозяйства (а не пускать доходы на поддержание имперского хозяйственного комплекса и социального государства на всем пространстве). Движение к реинтеграции — это осознание комплексной зависимости надежного положения в сырьевом секторе от совокупности взаимосвязанных ситуаций в области социально-политической. Отсюда — сохранение в России и стремление поддержать в ее стратегически важных сферах социальное государство на возможно высоком уровне, а один из путей для этого — восстановление старых имперски-хозяйственных связей. Отсюда — стремление гарантировать геополитическое положение России, включая и ближние зарубежье. Однако слишком дальнее продвижение по этому пути опасно: водоразделом выступает тот момент, когда хозяйственно-политическое доминирование нынешней России на пространстве СНГ перейдет в реальную ответственность по поддержанию социального государства в ближнем зарубежье. Чтобы предотвратить это, заранее планируется принципиально недостаточная интеграция.

Такова логика политического действия. Совсем не этой логике подчиняется публичная коммуникация. В ней царствует логика смыслов. Аргументы "за" и "против" империи в публичной дискуссии проводятся с радикальной односторонностью. Наиболее интересно, а для исследователя — наиболее перспективно в ближайшем будущем наблюдать взаимодействие изменения общей социальной атмосферы (вызванное, не в последнюю очередь, широкой пропагандой реинтеграции) и тех политических действий, которые подчинены описанной выше прагматической логике реальной политики на "пространстве бывшего СССР".

Данный доклад был, в основном, подготовлен еще до того, как события в Чечне достигли кульминации. О конкретном политическом явлении очень трудно судить по горячим следам. Однако, помимо всего прочего, эта война должна показать, возможно ли — и если возможно, то надолго ли — чисто силовое навязывание нового политического членения пространства там, где утрачена самоочевидность старого.